

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

НЕВОЗВРАТИМОЕ

АЛИСА АРЧЕР

Абсолютное оружие

Алиса Арчер
Невозвратимое

«ЭКСМО»

2021

УДК 21.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арчер А.

Невозвратимое / А. Арчер — «Эксмо», 2021 — (Абсолютное оружие)

ISBN 978-5-04-121045-8

В одной из комнат Центра Исследования Аномалий никогда не горит свет. Профессор Вяземский знает, что скрывается за ее дверями. У человечества осталось мало времени, удастся ли найти способ остановить аномалии, прежде чем они поглотят планету? Как быть, если для спасения нужно выступить против закона и человечности?

УДК 21.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-121045-8

© Арчер А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Вступление	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алиса Арчер

Невозвратимое

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Арчер А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Вступление

Я вижу время. Его течение призрачно. Его колебания иллюзорны. Время незыблемо. Оно было древним задолго до рождения первой звезды и будет длиться после того, как последний квант станет прахом. Время вечно. И Я – равен времени.

Я вижу пространство. Оно полнится радужным сиянием бесчисленных преломлений. Им нет предела. И каждое соткано из сотен тысяч измерений. Пространство всеобъемлюще. И Я – равен пространству.

Я вижу Вселенную. Ее непостижимая сущность украшена миллиардами ледяных огней, выслана густым сумраком бесконечности. В холодном безмолвии Вселенной Я создаю пространство и время. Я – равен Вселенной, и Я есть воплощение вечности.

Глава 1

До рассвета оставалось тридцать девять минут. Алексею Уварову снова не спалось. Он стоял у окна и уныло разглядывал заросший травой двор. Тьма пугала его, зябким сквозняком прикасалась к сердцу. Он был одинок, как бывают одиноки лишь глубокие старики. И в каждом мгновении отступающей ночи ему мерещилась смерть.

Когда-то его утра пахли ожиданиями и свежемолотым кофе. По утрам он всегда ощущал себя немного иначе. Будто что-то поменялось за ночь. Будто он проснулся другим человеком. Все события дней предыдущих отступали и на время теряли свое значение. С каждым рассветом начиналась новая жизнь.

Теперь его утра были наполнены ностальгией и горькими лекарствами. Рассвет стал единственным утешением и одним из немногих доступных ему удовольствий. Рассвет стал его наваждением, призраком все дальше ускользающего будущего. Каждый восход солнца мог оказаться для него последним, и эта мысль заставляла его особенно остро ценить момент начала нового дня. Алексею Уварову было восемьдесят семь лет.

Последние годы он жил, считая дни, часы и минуты. Осознание ценности времени пришло к нему после второго инфаркта, когда врачи еле вытянули его с того света. Долгие дни в реанимации ждали его последнего вздоха, но вопреки всему сердце продолжало биться. С тех пор минуло тысяча шестьсот двадцать девять дней – немалый срок и личная победа. Над временем и над смертью. Он отсчитывал каждый день – двадцать четыре часа, тысяча четыреста сорок минут, восемьдесят шесть тысяч четыреста секунд. Секунды нравились Уварову больше всего. В секундах он был почти бессмертен. И все же он понимал, что дни его сочтены и с каждым прожитым часом приближается неизбежный конец. Не верил в чудо, не тешил себя грезами о загробной жизни и продолжении существования в иных мирах. Смерть означала небытие, вечный сон без надежды на пробуждение. И эта беспощадная окончательность сводила его с ума.

Всю жизнь он посвятил научным изысканиям, лишь изредка отрываясь от микроскопа, чтобы с холодеющим сердцем осознать, что однажды умрет. Он любил жизнь и не мог представить мир без самого себя. Собственное несуществование казалось тупиком, гранью, за которую он не мог проникнуть в своих раздумьях. Он умрет, и вместе с ним умрет все, что делало его человеком, являлось его сутью. Умрут его истины и заблуждения, умрут сожаления и несбывшиеся грезы, ожидания, разочарования, надежды... Его личность, его разум – столь совершенная совокупность уникальных эмоций и черт, – куда все это могло исчезнуть? Ни медицина, ни религия, ни философия ответа на этот вопрос не знали. Только домыслы, да околонуточные споры, не дающие ни ясности, ни утешения. И если бы он мог повернуть время вспять... Скольких ошибок мог бы он избежать, как многое хотел бы исправить...

Писк таймера отвлек его от невеселых размышлений. Пора принимать лекарства. Уваров отвернулся от окна и медленно пошел к столу, заставленному большим количеством пузырьков и таблеток. Внезапно он почувствовал дурноту. Чья-то невидимая рука сдавила затылок, сжала виски, металлическим обручем обхватила голову. Стало трудно дышать. Воздух словно обрел плотность и с трудом проникал в легкие, сердце бешено заколотилось. В глазах странно множилась – все предметы стали бесконечным повторением самих себя, комната казалась длинным туннелем. Уваров зажмурился, пытаясь прогнать непонятные видения. В голове пронеслась мысль – надо добраться до телефона и позвонить в «Скорую». Но что-то надвигалось, заполняло тяжестью каждую клетку, отнимая возможность двигаться и чувствовать. Каждый вдох требовал невероятных усилий. Сознание померкло, но Уваров не упал – казалось, воздух держал его, не давая телу осесть на пол. Комната озарилась сиреновой вспышкой, свет на

мгновение поглотил все цвета, оставив лишь очертания предметов. Через секунду все исчезло, и в комнате вновь воцарилась предрассветная мгла.

Он пришел в себя под настойчивое верещание таймера. Звук пульсировал в голове в такт гулким ударам сердца. Уваров выключил его и тяжело опустился на стул. С минуту посидев, с облегчением понял, что не чувствует ни боли, ни обморочной слабости, сопровождавших предыдущие два инфаркта. Значит, пронесло. Его срок еще не пришел.

Он протянул руку к коробке из-под конфет, где хранил таблетки, и достал серебристый блистер. Запил ярко-желтые капсулы водой, прямо из стеклянного графина. Посидел еще немного, прислушиваясь к ощущениям внутри, затем встал и пошел на кухню ставить чайник. Дверь в коридор показалась ему непривычно тяжелой, но Уваров не придавал этому значения. Он сделал шаг и ступил в темный коридор. Тусклый свет окутал его мягким сиянием, и от неожиданности Уваров вздрогнул и выругался. Потому что стоял он в той же комнате, из которой только что вышел. У окна, напротив двери, где так часто встречал рассвет. Все выглядело точно таким, как минуту назад, – тот же стол и шкаф с любимыми книгами, фотографии на стенах, кресло с брошенным на него пультом от телевизора. Даже пятно на полу от пролитого вчера чая, которое он поленился затереть, осталось на месте. За окном по-прежнему господствовала ночь, и комнату освещал электрический свет лампы.

Уваров беспомощно огляделся. Несколько раз открыл и закрыл глаза, надеясь, что мираж исчезнет и все встанет на свои места. Сделал шаг назад и уперся спиной в подоконник. Двери, через которую он сюда попал, больше не существовало. Лишь холодная гранитная линия, в которую он вжимался, отказываясь верить в происходящее.

«Может быть, это сон, – подумал Уваров. – Или я лежу на полу без сознания, и сейчас утекают драгоценные минуты, когда меня еще можно спасти? А может быть, я только пришел в себя, и все это мне просто привиделось?»

Он осторожно отошел от окна и походил по комнате. Заглянул в шкаф, открыл и закрыл ящики стола. Заглянул даже в карман зимнего пиджака, где обнаружил свои старые перчатки. Он помнил, как положил их туда в начале весны. Чтобы потом не искать. Вернулся к окну, постоял немного, глядя в ночь, и осторожно приблизился к двери в коридор.

Берясь за дверную ручку, он чувствовал, как сильно колотится сердце. Резко толкнул дверь и замер на пороге. Темно. Уваров видел очертания тахты, стоящей у входной двери, подставку для зонтов, висящий на вешалке плащ, свою стоптанную старую обувь. Он перешагнул порог и снова оказался окутан мягким полумраком. Он стоял у окна в своей комнате, и все оставалось точно таким же – привычным ему и знакомым. Только за окном кружила метель, которой никак не могло быть этим утром 30 августа 2013 года.

Внезапно Уваров все понял.

«Что ж, – подумал он, – это лучше, чем пустота. Лучше, чем великое ничто, которого я так боялся. Значит, мы просто остаемся в месте, которое любили больше всего».

Он прошелся по комнате, касаясь рукой предметов и стен. Остановился у стеллажа и снял с полки небольшого фарфорового пингвина. Фигурка была совсем простой и не представляла никакой ценности, но Уваров очень ей дорожил. Эту безделушку много лет назад подарила ему жена на какой-то из их первых совместных праздников. Уваров подержал пингвина в руке, ощущая, как тот согревается от тепла ладони. Потом с силой швырнул в противоположную стену комнаты. Коснувшись стены, пингвин жалобно звякнул и раскололся на несколько частей. Стараясь не смотреть на осколки, Уваров быстро прошел к двери. С замиранием сердца распахнул ее и, переступив порог, сразу устремился к шкафу. Через мгновение он уже сжимал пингвина в руке – целого и как будто совсем нового. Он прижал руку с пингином к груди и закрыл глаза. Губы тронула улыбка покоя и умиротворения. Время утрат прошло – он больше никогда ничего не потеряет.

И он принял свою смерть с неожиданной легкостью – не испытывая больше ни печали, ни сожалений. Поэтому, когда огромная шаровая молния возникла из ниоткуда и понеслась ему навстречу, Уваров не испугался. Он исчез в ослепительном сиянии, не успев ни почувствовать, ни осознать сути произошедшего с ним явления.

Не успев уловить мгновения, в котором закончилась его жизнь.

Глава 2

24 сентября 1997 года

Мозес Луццатто вошел в комнату и зажег свет. Тусклая лампочка разгорелась не сразу, треща и пульсируя, словно не желая освещать то, что Луццатто собирался сделать. В центре комнаты на коленях стоял человек. Его руки, сломанные и сильно распухшие, были растянуты в стороны и привязаны к двум вбитым высоко в стены крюкам. Обмотанные цепью ноги, крепко прикручены к торчащей из пола стальной балке. Связанный таким образом пленник, пытаясь пошевелиться и хоть как-то изменить положение тела, лишь умножал свои страдания.

Мозес молча рассматривал пленника. Все время, что тот находился здесь, его методично избивали, и сейчас его тело почти сплошь покрывали ссадины и кровоподтеки. Окровавленная голова свешивалась на грудь, дыхание стало хриплым и шумным.

Луццатто довольно ухмыльнулся. По своей природе он был жестоким человеком. Особенно с теми, кто пытался его убить. А кто-то очень хотел убить Мозеса Луццатто. Хотел столь сильно, что нанимал уже четвертого киллера за месяц. Трое отправились на тот свет. Двое из них, совсем молодые и не слишком опытные, даже не смогли приблизиться к Луццатто.

Но последнему удалось практически невозможное. Убийца не стал устраивать засады и подкарауливать свою жертву в укромных местах. Он вломился в одно из заведений, принадлежавших Луццатто, где тот играл по субботам в покер, и устроил там кровавую бойню. Зал был полон людей Луццатто – требовалась немалая доля самонадеянности, чтобы рискнуть напасть на большого босса на его территории. Однако убийца рассчитал все правильно, противопоставив количеству противников эффект неожиданности и свою собственную мощь. Крупнее и выше любого из телохранителей Мозеса Луццатто, он стремительно двигался между растерянными гангстерами, неумолимо приближаясь к окруженному охранниками итальянцу. А ведь Луццатто, не обладая выдающимися физическими данными, подбирал себе самых крепких ребят. Когда началась стрельба, они заслонили его своими спинами и начали продвигаться к запасному выходу, где на случай непредвиденных обстоятельств всегда оставляли один из автомобилей. Добраться до двери удалось лишь двоим из пяти. Остановить киллера не удавалось и, Джо Росински, носивший нелепую кличку Квадрат за специфическую форму головы, пожертвовал собственной жизнью, бросившись на него с зажатой в руке гранатой. Чтобы просто остановить это прущее напролом чудовище. Взрыв угробил еще троих человек и наконец вырубил убийцу.

Те, кому посчастливилось остаться в живых, хотели немедленно прикончить его, но Мозес остановил их. Он хотел выяснить, кто так настойчиво желает ему смерти, и намеревался получить эту информацию от лежавшего перед ним без сознания человека. Поэтому отдал его на растерзание своим людям с жестким приказом как угодно калечить, но только не убивать и не лишать его возможности говорить.

Именно этого человека Луццатто сейчас и разглядывал. Он выждал три дня, рассудив, что такого срока должно быть достаточно для того, чтобы боль, жажда и усталость сломили волю и способности к сопротивлению даже профессионального убийцы.

«Уж не перестарались ли мои парни», – подумал он, видя, что связанный никак не реагирует на его появление.

Мозес хотел уже выйти и позвать врача, чтобы тот привел пленника в чувство, как убийца вдруг поднял голову. Достаточно быстро для человека, изможденного длительными пытками. Теперь Луццатто хорошо видел его лицо – сломанный нос, разбитые губы. Один глаз заплыл и

не открывался, другой внимательно и напряженно смотрел на Мозеса Луццатто – главу крупного преступного конгломерата. Человека, пришедшего его казнить.

Некоторое время мужчины молча смотрели друга на друга, потом Луццатто заговорил.

– Итак, – медленно начал он, – пришло время начать разговор. Уверен, ты успел сполна насладиться нашим гостеприимством, и в твоих интересах побыстрее все это закончить. Мы построим нашу беседу таким образом: я задаю вопросы и получаю ответы. Я спрашиваю, ты отвечаешь. Чем быстрее ты все расскажешь, тем быстрее я тебя убью. В противном случае твои мучения продлятся намного дольше. Сейчас могу гарантировать, что убью тебя быстро. Если ты не будешь меня злить, то умрешь сегодня. Иначе... Я могу не удержаться и сломать тебе еще пару костей. Или прострелить колено. Или...

– Ты зря тратишь время, – хриплый голос прервал его монолог.

Взгляд Луццатто стал жестким.

– Кто твой наниматель? – быстро спросил он. – Назови мне имя.

Пленник молчал, и Луццатто решил уточнить:

– Ты знаешь, кто он?

Убийца не отвечал. Неотрывно и пристально смотрел на Луццатто, и в его взгляде сквозила мрачная сосредоточенность.

– Ладно, – проговорил Мозес, прищуриваясь. Подошел к небольшому ящику в углу комнаты и достал тяжелую деревянную явару. Виртуозно вырезанная голова диковинного монстра с одной стороны деревянного бруска была украшена металлическими кольцами. Резное тело переходило в острый, чуть изогнутый хвост. Зажав явару в кулаке, Луццатто повернулся к пленнику.

– У каждого есть свои слабые места, – задумчиво произнес он. – Но я не стану искать твои. Я просто выколю тебе глаза, – Луццатто указал на заостренный конец явары. – Затем, если это не развяжет твой язык, – отрублю тебе руки.

Взгляд Луццатто скользнул к топору.

– Если этого все еще окажется недостаточно, я буду вырезать твои органы. Селезенку, желудок, почки... – смакуя каждое слово, Луццатто медленно подходил к убийце. – А когда ты захочешь все мне рассказать, я вырежу тебе язык. Кто тебя нанял? – вновь спросил он, приблизившись на расстояние удара и с удивлением отметив, что его голова совсем не возвышается над головой пленника, хотя тот стоит на коленях. – У тебя гигантизм? – вопрос сорвался раньше, чем Луццатто успел его осознать.

– Нет, – убийца удивился не меньше самого Луццатто, – я просто высокий.

– Ага, и здоровый как бык, – мафиози неожиданно улыбнулся. Потом резко подался вперед, занося сжатую в кулаке явару над головой противника. Ударить Луццатто не успел. Рванувшись вперед, пленник нанес ему сильный удар в переносицу. От боли у Луццатто потемнело в глазах. Пошатываясь и прижимая руки к окровавленному лицу, он вышел из комнаты.

– Он ударил меня головой, – предвосхищая вопросы, сказал он в ответ на удивленные взгляды охранников, не ожидавших увидеть босса залитым кровью. И заметив, как они, схватившись за дубинки, ринулись к пленнику, поспешно добавил: – Не трогать его.

Стоя у раковины в роскошной ванной комнате, Луццатто смывал кровь и обдумывал произошедшее. Очевидно, что пытками киллера не сломить. Даже усилив воздействие и смешав ему кровь с костями, можно не добиться нужной информации. Да и стоит ли живьем потрошить человека, который обладал такими ценными качествами. Луццатто улыбнулся своему отражению – нос распух, под глазами наливались черные круги. Незаурядная физическая сила в сочетании с силой воли и твердостью духа. Человек, способный бросить вызов после трех дней истязаний, наделен редким свойством, которое часто путают с гордостью, – стойкостью. Цену гордости Луццатто знал очень хорошо – зыбкое самодовольство, которое забывается с первым треском ломающихся костей. Когда сломлены барьеры гордости и мужества,

только стойкость позволяет человеку держаться с достоинством. У большинства людей, стоящих перед Мозесом Луццатто на коленях, очень скоро не оставалось ни стойкости, ни гордости – боль забирала их без остатка, оставляя руины от принципов, убеждений и клятв. Поэтому, столкнувшись с необычным поведением пленника, Мозес почувствовал, что в нем просыпается интерес. Кто он? Фанатик? Член религиозного культа? Луццатто припомнил необычные татуировки – надписи на незнакомом ему языке на предплечьях, груди и спине убийцы. Если выбить ответы не получается, нужно попробовать другой способ.

Выйдя из ванной и отмахнувшись от ждущего у дверей врача, Луццатто вернулся в комнату для допросов. Войдя, он увидел, что там собралось немало народу – охранники успели разнести весть, что босс пострадал, и люди жаждали крови. Они собрались для того, чтобы насладиться зрелищем показательной расправы.

«Если все получится, им придется подавиться собственной желчью, – злорадно подумал Луццатто. – Большинство из них сдали бы меня в первые сутки».

Люди без принципов и чести, движимые корыстью и алчностью, – Луццатто оценивал своих работников по достоинству и без иллюзий. Детство, проведенное возле отца в Италии, научило его разбираться в людях. Он помнил истину, которую часто повторял отец: хочешь узнать, каков человек, надели его маленькой властью. Они чувствовали себя божками в составе клана потомственного мафиози, кровь и золото кружили им голову. Но когда с них спадала эта напыщенная шелуха, стоило им на миг утратить иллюзию своей значимости, в них обнажалась истинная сущность – трусливые жалкие ублюдки, молящие о пощаде и милосердии. Перед лицом смерти, считал Луццатто, каждый становится самим собой, и мало кому льстит его собственное нутро.

Он приказал всем выйти и, когда комната опустела, запер дверь. То, что он собирался предложить убийце, никогда не должно выйти за пределы этих стен. Предложение будет принято. Или нет. Но все решится сейчас. При любом исходе Мозес Луццатто ничего не терял, а его несостоявшийся убийца мог потерять все.

– Эй, – тихонько окликнул он пленника, – может, продолжим нашу беседу?

Выглядел убийца значительно хуже – уверенные в скорой расправе над ним, охранники все же поквитались за шефа. Мозес видел на теле и лице киллера свежие следы ударов кастетом – излюбленным оружием самых слабых членов его банды.

«Люди всегда стараются перешагнуть через самих себя. Хотят казаться, если не получается быть», – подумал Луццатто.

И чем примитивнее человек, тем более грубые способы «казаться» он выбирает. Берет кастет, когда не уверен, что его кулак достаточно тверд. Произносит ругательства, когда чувствует, что его слово недостаточно веско.

Сам Луццатто бранных слов не использовал. Этому он тоже научился у отца. Тот всегда держался подчеркнуто вежливо и порой эта холодная вежливость звучала страшнее проклятий. Адриано Луццатто не опускался до запугивания и угроз, лишь выражал сожаление, что стороны не сумели договориться. Сожалеть, впрочем, всегда приходилось другим. В отце не было ни капли справедливости, ни толики благородства, зато с лихвой хватало свирепости, ярости и звериной проницательности, которая и вознесла его на олимп преступного мира. Все закончилось душным осенним вечером от единственного выстрела, прозвучавшего в тишине изящной гостиной Изола Эстрэ – семейной виллы Луццатто. Предательство ближайшего друга, борьба за власть и последующая кровавая резня между членами клана вынудили юного Мозеса покинуть Италию.

Он сообщил доверенным лицам, что едет в Испанию, но отправился в Америку – страну хрустящих банкнот и выгодных сделок, так не похожую на его маленькую Италию. Сколько раз он обещал себе туда вернуться...

Очнувшись от воспоминаний, Мозес вновь посмотрел на пленника. Взгляд того был непроницаем, и Луццатто не мог понять, о чем он думает. Боится ли он смерти? Или ждет ее как избавления?

– Ответ на один вопрос, – вновь заговорил Луццатто. – Он не потребует от тебя поступаться твоими принципами, если они так тебе дороги. Что предложил тебе заказчик за мою смерть? Деньги?

Пленник молчал, но Луццатто не сдавался. Он вложил в свой голос всю дружелюбность, на какую был способен, и снова спросил:

– Ты связан с ним кровными узами? Он твой родственник или друг? Если ты ответишь мне, то никак его не выдашь. Ведь я даже не представляю, кто ты такой. Но мне важно знать, действуешь ли ты из личного интереса или просто зарабатываешь деньги. Это мой единственный вопрос перед тем, как все закончится для тебя. Больше никаких пыток, никакой боли. Я отпускаю тебя с уважением к твоему молчанию. Так что окажи уважение и мне – ответь на вопрос.

Прошла минута, другая. Луццатто уже почти уверился, что убийца не ответит, и собрался покинуть комнату, как тот неожиданно проговорил:

– Только деньги.

Луццатто улыбнулся.

– Только деньги, – повторил он. – Значит, ты наемник. Иметь дело с наемником значительно проще, чем с ослепленным мстью фанатиком. Фанатики бывают полезны, но полагаться на них невозможно. Одни готовы убить за тебя. Другие – умереть за тебя. Проходит время и одни умирают, другие – садятся за убийство. А ты по-прежнему остаешься один, – Луццатто помолчал. – Тот, с квадратной головой, Росински, был фанатиком. Он был предан мне. Он умер, спасая мне жизнь, но теперь я остался без правой руки, и мне некому доверить важные дела. И... – Мозес выдержал паузу, – я предлагаю тебе занять его место.

Сквозь грязь и кровь на лице убийцы проступило недоумение. Во взгляде на секунду промелькнула растерянность. Он медленно покачал головой и пробормотал что-то, чего Луццатто не разобрал.

– В это трудно поверить, но я абсолютно серьезен, – продолжил Луццатто. – Работай на меня. Я видел тебя в деле и могу представить, на что ты способен. Мне нужны сильные люди, и я щедро плачу тем, кто мне верен. Это лучше, чем сдохнуть в этой вонючей комнате за дело, которое не имеет для тебя никакого значения. Выбор прост: живи или умри. Как и обещал, я убью тебя быстро.

– Почему ты думаешь, что я не попытаюсь убить тебя снова? – вдруг спросил убийца.

– А зачем тебе это? Из мести за то, что мы сделали с тобой? Ты половину моих людей уложил. Убил моих телохранителей. К тому же мои врачи быстро поставят тебя на ноги, – Луццатто посмотрел на часы. – Я дам тебе немного времени подумать.

– Не надо, – секунду помолчав, ответил убийца.

– Каково же твое решение?

– Я согласен.

– Рад это слышать. И надеюсь, никому из нас не придется жалеть об этом выборе. Сейчас я развяжу тебя и позову своих людей. И лучше бы тебе встретить их не на коленях.

Луццатто подошел к стене и ножом разрезал веревку. Рука пленника упала, плетью повиснув вдоль тела. Мозес видел, как убийца вздрогнул и скривился от боли, но не проронил ни звука. Освободив вторую руку, Луццатто спросил:

– Ты сможешь встать?

Не ответив ни слова, пленник начал подниматься. По его побелевшим губам Луццатто видел, каких усилий ему это стоило. Через минуту он, пошатываясь, встал на ноги и, задыхаясь, проговорил:

– Долго я не простою.

Луццатто подошел к двери, открыл замок и жестом пригласил своих людей зайти внутрь.

– Этот человек теперь часть клана и более неприкосновенен, – не дав им опомниться, сказал он. В изумлении они смотрели на босса и возвышавшегося позади него громадного человека. Луццатто продолжал: – Сейчас вы приведете врача, и он окажет помощь нашему новому другу. А для тебя, – он повернулся к убийце, – у меня уже есть первое задание. Как только ты поправишься, ты убьешь того, кто тебя нанял, и навсегда избавишь меня от этой проблемы. Добро пожаловать в семью.

12 января 2016 года

Луццатто открыл глаза.

Пробуждение далось ему нелегко – беспамятство липкой ватой окутывало разум, давило на веки. За гранью сознания притаилась боль. Пока он ощущал лишь слабое покалывание внутри, но знал, что скоро она станет невыносимой.

Луццатто поежился. Ему было холодно. С тех пор как два года назад его привезли в Россию, он постоянно мерз. Ненавидел и проклинал бесконечные русские морозы – протяжные, безнадежные, серые. И нескончаемый долгий снег, проникающий в его тревожные сны. И слишком плотные облака, навсегда похитившие солнце. Мысль, что он проведет в этой стране свои последние дни, казалась невыносимой, но выхода не было. Ему не вырваться. Все, что ждало его впереди, – долгие темные дни угасания и усталости. Время сумерек и мертвой тишины, время призраков давно утраченного величия. Эти призраки жили в воспоминаниях, проникали в сны, мешали ясно мыслить.

Боль нарастала, но Луццатто только поморщился. Сил все равно не хватит, чтобы нажать на кнопку вызова медсестры. После химиотерапии он всегда ощущал страшную слабость. Рак не отступал, и, если бы не постоянные усилия врачей, Мозес давно был бы мертв. Смерти, впрочем, Луццатто не боялся. Он обладал слишком ценной информацией, чтобы ему позволили умереть.

Все время, пока он лежал в забытии, в палате дежурил полицейский. В редкие минуты, когда действие лекарств ослабевало, он видел размытое синее пятно униформы рядом с белыми кляксами врачебных халатов. Еще двое несли вахту у двери, сменяясь каждые двенадцать часов. Как только он придет в себя, начнутся неизбежные расспросы.

Вначале он пытался юлить – отвечал на вопросы уклончиво, недоговаривал, скрывал детали. Сдавал тех, кто уже на чем-то попался, кого все равно арестовали бы в ближайшее время. Но когда в руках полиции оказался Орсино, его единственный наследник, Луццатто понял, что пропал. И заговорил. В первый же год от его империи не осталось и половины. Сейчас лишь единицы из некогда крупнейшей мафиозной структуры оставались на свободе. Все, чего он достиг за долгие годы, было разрушено за семнадцать месяцев усиленной работы объединенной международной коалиции спецслужб.

А потом пришла болезнь. Неоперабельная опухоль желудка, метастазы в печени, почках и легких. Два-три месяца жизни по прогнозам лечащих врачей. Луццатто продержался уже семь. Чем хуже он себя чувствовал, тем настойчивее становились полицейские. На него давили, угрожали, что Орсино всю жизнь проведет в тюрьме, но Луццатто уже рассказал все, что знал, выдал все места, где мог скрываться интересующий их человек.

Сообщил даже о своих предположениях, где тот мог находиться, но ему не верили. Его бывший соратник все еще числился на первом месте среди самых разыскиваемых преступников в мире, и полиция торопилась взять его, пока Луццатто не умер. Но найти его до сих пор не удавалось.

За стеной Луццатто слышал разговоры охранников – ночами они собирались в соседней палате. Пили кофе, обсуждали новости, играли в карты. Ради безопасности важного информатора был выделен целый этаж. Без специального пропуска попасть сюда не могли даже врачи и медсестры. В палатах размещались смены охранников, в холле организовали штаб. Ежедневно и еженощно Луццатто охраняли девять блюстителей закона. Еще пятеро, замаскированные под персонал, контролировали главный вход. По тревожной кнопке из ближайшего участка были готовы прибыть еще шестнадцать оперативников. Кто бы ни попытался пробиться к Луццатто, ему не пройти сквозь такое количество охраны.

Пытаясь отвлечься от терзающей тело боли, Луццатто размышлял о своих видениях. Почему именно сейчас в памяти с такой ясностью всплыли события почти двадцатилетней давности. Первая встреча... с ним. Выбор каждого, меняющий судьбы, разделивший жизнь на до и после. Каковы были последствия этого выбора? Луццатто чуть заметно улыбнулся. Он все глубже погружался в прошлое – во времена своего триумфа, самое счастливое и самое страшное время своей жизни. Кто мог предвидеть, что человек, посланный его убить, станет ближайшим другом, деловым партнером и поверенным его семейных тайн. Прошло немало времени, прежде чем они научились доверять друг другу, но когда это случилось, в криминальном мире началась новая эпоха. Эпоха Мозеса Луццатто.

Через несколько лет их кровавого шествия он стал самым влиятельным человеком от Северной Каролины до Калифорнии. Более половины развлекательных заведений, игорных домов и борделей по всей Америке принадлежали Луццатто. С годами они добились немалого влияния в Европе и Азии. Теперь отец, которым Луццатто так восхищался, казался ему мелким гангстером по сравнению с тем, чего достиг он сам. Но у этого величия была и темная сторона... О ней Луццатто думать не хотел.

Он тяжело вздохнул, возвращаясь в реальность. Нужно звать медсестру, дальше терпеть нельзя. С усилием приподняв руку, он нажал на кнопку вызова, расположенную на бортике кровати. Скоро ему сделают укол, и он забудется сном. Может быть, ему приснится Габриэлла, может быть, он снова увидит его. Но больше всего Луццатто надеялся, что сон – альтер эго смерти – подарит ему тьму без видений.

Прошла минута, другая, но медсестра не появлялась. Луццатто вслушивался в полумрак больничной палаты, отмечая, что больше не слышит разговоров охранников, их шагов, звуков открывающихся и закрывающихся дверей. Весь этаж погрузился в удивительную тишину. Словно Луццатто остался здесь совсем один. Он почувствовал неприятное сосущее чувство страха, разливающееся внутри. Что случилось? Куда все могли исчезнуть? Он повернул голову к двери и увидел огромный темный силуэт. Сердце замерло. На пороге стоял он.

Его друг.

Его правая рука.

Его ночной кошмар.

Книжник.

Луццатто беспомощно смотрел, как он приближается к кровати, и когда тот подошел совсем близко, спросил срывающимся на шепот голосом:

– Как ты попал сюда?

– Здравствуй, Мозес, – вместо ответа тихо проговорил пришедший. Голос был более хриплым и низким, чем помнилось Луццатто. Гость передвинул стул для посетителей, на который обычно садились те, кто приходил допрашивать больного, поближе к его голове и сел. Обвел взглядом высохшее тело и спросил: – Как ты себя чувствуешь?

– Я умираю.

– Печально слышать.

– Как ты попал сюда? Здесь всюду полно охраны, – Луццатто уже знал ответ, но не мог в него поверить.

– Здесь уже никого нет.

– На первом этаже есть агенты среди персонала. Я не знаю, сколько их, слышал разговоры...

– Персонала тоже больше нет.

– Ты убил их? Ты убил врачей?

– Да.

– Господи, Хельмут! Среди них были настоящие врачи!

– У меня не было времени разбираться.

– Зачем же ты пришел?

– Я пришел проведать старого друга.

– Хельмут... – тихо сказал Луццатто. Помолчав, произнес более привычное для них обоим имя: – Книжник... Я предал тебя, друг мой. Я предал вас всех.

– Я знаю, Мозес.

– Они не оставили мне выбора. Они выслеживали всех нас долгие годы, искали возможности, слабые места. Твои им найти не удалось. И пока ты не уехал, у меня тоже не было слабых мест.

– Я не мог остаться. Ты знаешь.

– Знаю. Но когда ты ушел, все начало разваливаться. Я лишился своего главного козыря. И тогда они пришли за мной. Я долго держался, Книжник. Правда долго. Но они взяли Орсино на границе с Мексикой. Он перевозил товар для крупной сделки, и они поймали его, – по лицу Луццатто покатались слезы. – Я не мог позволить им его посадить. Габриэлла не пережила бы потерю второго сына.

– Не волнуйся больше об этом, Мозес. Орсино свободен. Он сейчас с матерью на побережье Сан-Рафаэль в Португалии.

Луццатто закрыл глаза. Слишком много потрясений для его измученного болезнью разума. Он чувствовал головокружение и понимал, что скоро не сможет продолжать разговор.

– Книжник, – начал он, – я хочу сказать тебе кое-что важное. Это может не иметь значения для тебя, но я хочу, чтобы ты знал. Я выворачивался наизнанку каждый раз, когда сдавал своих людей. Мне приходилось заново ломать себя, чтобы предать каждого из них. Но только не тебя. Тебя я предал с легким сердцем.

– Почему?

– Потому что ты такой... Не могу подобрать слова. Говорят, ты родился в этой стране... Так вот... Ты похож на Россию, Книжник. Тебя никто не может победить. Ты огромен и силен, и тебя ненавидят, потому что боятся. Тебя хотят уничтожить, потому что никто не сможет противостоять тебе, если ты захочешь напасть. Никто никогда не поверит в истинность твоих добрых намерений, потому что, обладая твоей мощью, каждый захотел бы править миром, – Луццатто торопился высказать все, что долгие годы копилось в его душе. – Ты был мне хорошим другом, Книжник, но я всегда боялся, что ты захочешь занять мое место. Ты всегда был немногословен. Первое время я думал, что ты не очень умен, как часто бывает с чересчур здоровыми ребятами. Как же я заблуждался... Ты всегда оказывался на шаг впереди. Каждый раз, когда я думал, что знаю о тебе все, ты чем-то удивлял меня. Ты во всем превосходил меня – умом, коварством, жестокостью. Твое превосходство абсолютно. Такого превосходства просто не должно существовать, понимаешь? В той комнате в нашу первую встречу я чувствовал себя дьяволом, искушающим человека. Но дьяволом там был не я. И, предавая тебя, – Луццатто снова расплакался, – я знал, что они ничего не смогут сделать тебе. Я многим тебе обязан, но как бы я хотел никогда не встречать тебя, Книжник. Хельмут Хансен, Ричард Дарго – я ведь даже имени твоего настоящего не знаю.

Долгое время Книжник молчал.

– Я никогда не хотел занять твое место, Мозес. Мне достаточно было своего, – наконец произнес он. – Ты тоже сделал для меня очень многое.

– Ничего такого, с чем бы не справился ты сам. Я же никогда не достиг бы своего положения без тебя.

– Ты очень помог мне. Тогда.

– Я бы все отдал, чтобы этого не произошло, Книжник.

– Я тоже. Спасибо. Я кое-что принес тебе.

Книжник вложил в руку Луццатто какой-то предмет. Ощупав его, тот улыбнулся:

– Я думал, ее забрал кто-то из уличного сброда, что вечно ошивался рядом.

– Нет. Ты выронил ее, когда я ударил тебя головой. Я заметил, куда она упала, и, когда ты освободил меня, незаметно подобрал. Я собирался убить тебя, как только встану на ноги. Но ты неожиданно повернулся ко мне спиной. И я понял, что наш договор не был твоей уловкой. Ты доверился мне, и я решил подождать, посмотреть, что получится. Ты любил эту вещицу, поэтому я принес ее тебе. И мне жаль, что ничего не могу сделать для тебя.

– Ты сделал очень... очень многое. Больше, чем я заслуживаю. Я умру, зная, что Орсино на свободе, с Габриэлкой – я и мечтать об этом не мог. Я благодарен тебе. Ты всегда делал то, что я считал невозможным... Правда, для этого многим приходилось умирать... А сейчас умираю я. Хочу вернуть обратно свою жизнь, свою молодость. Хочу быть на солнечном пляже с женой и детьми. Хочу повернуть время вспять, но даже ты не в силах сделать этого, – голос Луццатто совсем ослабел, он чувствовал, как сознание затягивает серая пелена. – Я не хочу просыпаться, Книжник, – еле слышно прошептал он, прежде чем сознание окончательно померкло. – Помоги мне.

– Спи спокойно, Мозес, – тихо ответил Книжник. Посидел немного, прислушиваясь к ставшему таким спокойным дыханию умирающего, потом достал пистолет и выстрелил Луццатто в голову.

Вышел из палаты и быстро направился к выходу на лестницу. Ему предстоял долгий путь. Утром он покинет эту страну и снова исчезнет. Теперь уже навсегда. Все его дела здесь завершены, и возвращаться в Россию ему было незачем.

Внезапно Книжника отбросило к стене. Он почувствовал разливающуюся тяжесть в груди и животе и ощутил во рту привкус крови. Опустив голову, увидел, как по рубашке расплываются пятна крови. Потянулся к пистолету и почувствовал, как пули снова врезаются в тело, украшая белоснежные стены кровавыми брызгами. Книжник тяжело опустился на пол. Он смотрел, как его жизнь уходила, растекалась красной блестящей лужей по гладкому полу, и ни одной ее секунды ему не было жаль.

Глава 3

12 января 2016 года

Затхлый воздух пах пылью и чем-то странно знакомым, почему-то напоминавшим Субботину о детстве. Он сидел на полу, прислонившись спиной к стене, и смотрел на темнеющий экран смартфона. Заряда батареи едва хватило, чтобы позвонить жене и закончить нелегкий для них обоих разговор. Они попрощались, прежде чем успели сказать друг другу что-то важное. Способное если не возродить былое, то хотя бы расстаться хорошими знакомыми, изредка с теплом вспоминающими друг друга.

Все, что их связывало, осталось в прошлом. Равнодушие сменило нежность и страсть, неуловимо забрав из отношений теплоту и близость. И никто из них не мог ответить, куда все ушло. Долгое время они чувствовали себя счастливыми, и лишь в последний год их отлаженная жизнь изменилась. Возможно, они наконец перестали закрывать глаза на очевидные недостатки своего брака или, проснувшись утром, вдруг обнаружили, что ничто больше не связывает их друг с другом. Причин было много, следствий еще больше. Отношения угасли, исчерпав свой чарующий смысл.

Развод дался ему нелегко. Тяжелее, чем он готов был себе признать. И все же Субботин чувствовал облегчение. Так ощущает себя выздоравливающий после ранения человек. Память о боли еще свежа, и тело страшится ее возвращения, но глубоко внутри ты понимаешь, что уже практически здоров.

Субботин вздохнул, потер лоб и убрал в карман окончательно разрядившийся телефон. Пора возвращаться. По его ощущениям, он отсутствовал около получаса и надеялся, что Измайлов не слишком разозлится. Майор был человеком семейным, и Субботин рассчитывал на его понимание. О своих неурядицах с женой коллегам Субботин не рассказывал и всегда уходил разговаривать по телефону подальше от возможных свидетелей. За полгода, что тянулся развод, он изучил все укромные уголки онкологического центра и точно знал, в какое время каждый из них будет абсолютно безлюден. Сегодня он нашел пристанище в подсобке, где уборщицы хранили ведра и швабры.

Ночи обычно проходили спокойно. И дождавшись окончания вечерней проверки, он спустился на первый этаж. То, что фактически он покинул свой пост, волновало его несильно. Субботин был уверен, что сегодня, равно как и вчера и как во множество предыдущих ночей, просто не могло произойти ничего необычного. Он собрался с духом, набрал номер и сообщил теперь уже бывшей супруге, что готов подписать документы на развод.

Темнота подсобки погружала в уютную тишину и, нажав отбой, Субботин некоторое время просто сидел, стараясь освободить голову от тягостных мыслей. Когда на место комфортной расслабленности пришло ощущение бессмысленной потери времени, он поднялся и вышел в коридор. На стенах переливались сверкающие огоньки. Праздничные дни закончились, но персонал не спешил расставаться с разноцветной мишурой и гирляндами. Они хоть немного разбавляли гнетущую атмосферу, неизбежную для этого места, где, несмотря на усилия врачей, постоянно умирали люди.

Откуда-то несло холодным воздухом, и Субботин заторопился к лифтам. Проходя мимо дежурного поста, он увидел, что дверь открыта и в маленьком помещении никого нет. Дверь запиралась изнутри и во время смены всегда оставалась закрытой. Покидать пост у главного входа было строгойше запрещено, и если у дежурного возникала такая необходимость, кто-нибудь обязательно занимал его место. Отсюда велось наблюдение за внешним периметром

и внутренними помещениями онкологического центра. За длительное время многие правила претерпели изменения, но это оставалось одним из тех, что всегда выполнялись неукоснительно. Субботин удивленно огляделся по сторонам. Он подошел к двери, осмотрел замок и убедился, что тот открыт изнутри, а не взломан. В комнате стоял равномерный гул – по количеству электроники помещение напоминало серверную. Субботин видел пять больших мониторов, на экраны которых выводились изображения с камер наблюдения. Несколько минут он изучал мелькающие картинки, но ничего подозрительного на мониторах не видел.

Полутемные коридоры были пусты – ночью в здании оставались лишь дежурные врачи и охранники. Ярко освещался только четвертый этаж, где находился Мозес Луццатто – человек-легенда, подмявший под себя половину криминального мира Европы и Соединенных Штатов. Как Луццатто оказался в России, Субботин не знал, но поговаривали, кто-то сверху решил, что в этой стране связей у итальянца практически нет и организовать побег ему будет сложно. Слухами, впрочем, Субботин никогда не интересовался и о Луццатто имел лишь общее представление.

Субботин оторвал взгляд от сменяющих друг друга изображений и еще раз огляделся. Причин, побудивших дежурного оставить пост, он не видел и выяснять его местонахождение не собирался. Его беспокойство носило формальный характер и было продиктовано скорее привычкой дотошно относиться к мелочам, чем опасениями реальной угрозы. Сейчас он поднимется на четвертый этаж, доложит обо всем майору Измайлову и спокойно доработает остаток смены.

Субботин вышел, прикрыл за собой дверь и вновь направился к лифтам. К нему возвращалась легкость, и он мысленно перебирал все преимущества нового свободного положения. Удовольствия, которые может себе позволить одинокий молодой мужчина. Впервые за несколько дней его настроение улучшилось, и в мысли проник незатейливый мотивчик какой-то веселой песенки.

А потом он увидел руку.

Изящную тонкую руку с короткими аккуратными ногтями, покрытыми светло-розовым лаком. Рука лежала на пороге приемного отделения. Она принадлежала медсестре Анастасии Кирилловой – Настеньке, которую Субботин хорошо знал. Всегда улыбчивая и приветливая девушка нравилась ему, и Субботин не упускал случая поболтать с ней при встрече. Он осторожно приблизился к приоткрытой двери. Заглянул в коридор и отпрянул. Настенька лежала на полу лицом вниз с наполовину снесенным черепом. Вся внутренняя сторона двери была в крови и ошметках ее мозга, медленно стекающих на пол. Неподалеку от ее тела лежал еще один труп в белом халате, по всей видимости, принадлежащий дежурному врачу.

Дыхание перехватило, по венам жидким азотом растеся страх. Субботин не мог поверить своим глазам – от шока он почувствовал слабость в ногах, на лбу выступила испарина. Ему показалось, что стены сузились, а из густой темноты неосвещенных участков за ним следят колючие глаза невидимых соглядатаев. Почти парализованный нахлынувшим ужасом, он пытался трезво оценить ситуацию. Больше всего его пугала неприятная тишина – Субботин не слышал ни выстрелов, ни криков, ни каких-либо других свидетельств того, что на центр совершено нападение. Убийцы действовали быстро и абсолютно бесшумно. Субботин не представлял, как такое возможно. Он всегда считал подобное киношным вымыслом, фантастикой из области сюжетных допущений и не предполагал, что однажды ему придется столкнуться с такой ситуацией в реальной жизни.

Субботину захотелось поскорее оказаться рядом со своими товарищами. Рука потянулась к рации, но мысль о том, что убийцы все еще находятся в центре, остановила его. Он может выдать себя и того, кто ответит на вызов. Надо поскорее подняться наверх. Мысль о замкнутом пространстве лифта вызывала панический ужас и он двинулся к двери, ведущей на лестницу. Его не покидало ощущение, что за ним кто-то наблюдает. Страх ползал под кожей тысячей

мелких насекомых, вызывая озноб и заставляя постоянно оглядываться. Дойдя до лестницы, Субботин снова прислушался. Ни единого звука. Опасливо шагнув вперед, он начал медленно подниматься.

Добравшись до второго этажа, Субботин приоткрыл дверь и заглянул в широкий коридор. Здесь находились хирургическое отделение, операционная и кабинеты различных диагностик, в названии которых Субботин ничего не понимал. Было темно, лишь в отдалении тускло светила настольная лампа на посту дежурного врача. Субботин тихо прикрыл дверь на лестницу и, стараясь не шуметь, стал приближаться к свету. Через минуту он увидел и самого дежурного. Павел Антонович сидел за столом перед кипой бумаг, и его невидящий взгляд был устремлен в пустоту. Из маленькой дырочки во лбу стекала тонкая струйка крови, а сзади, на стене и на стуле, расплывался кровавый фейерверк. Субботина замутило. Он отвернулся и в глубине коридора увидел еще двоих человек. Один полусидел, прислонившись к стене спиной, другой лежал рядом с кофейным аппаратом. И оба они были мертвы. На этаже стояла та же неприятная тягучая тишина, словно Субботин оказался в морге.

Он вернулся на лестницу и поспешил наверх. Необходимость увидеть рядом живых стала невыносимой, он задыхался от подступающей паники и едва сдерживался, чтобы не закричать. Третий этаж он миновал, решив как можно быстрее добраться до своих товарищей. Поднимаясь, Субботин заметил, как полная темнота сменяется полумраком. Значит, дверь на четвертый этаж открыта, и свет из коридора освещает лестницу. Быстро преодолев два лестничных пролета, он свернул на последний и чуть не упал, споткнувшись о чьи-то ноги. Подняв глаза, он почувствовал, как изнутри всплывает темное отчаяние. На ступенях лежал человек, и он мог не приглядываться, чтобы понять, кто перед ним. Субботин смотрел на труп майора Измайлова. Крови он не видел, но голова была неестественно вывернута – по всей видимости, майору свернули шею и тело выбросили на лестницу. Убийцы даже не забрали его оружие – пистолет так и остался в кобуре, пристегнутой к поясному ремню. Субботин с трудом расстегнул кожаный чехол – руки тряслись и плохо слушались – и достал пистолет. С оружием в руках он почувствовал себя увереннее, но страх не исчез. Он лишь притупился иллюзией защищенности.

Тишина, воцарившаяся во всем здании, рождала нехорошие предчувствия. Словно он остался здесь совсем один. Словно вокруг не осталось больше живых. Субботин гнал от себя жуткие мысли – четвертый этаж был самым охраняемым местом во всем центре. Охранники отбирались из опытных, хорошо обученных полицейских, прошедших не одну подготовку. Каждый из них обладал отличной реакцией, имел опыт боевых действий и знал, как действовать в нестандартной ситуации. Они были командой, единой охранной системой, успешно выполняющей свою функцию в течение длительного времени.

И тем не менее Субботин чувствовал, что все они мертвы. Знал это, хотя и не хотел признавать. Игнорировал, как и мысль, что навязчиво всплывала внутри с той самой секунды, как он увидел мертвых врачей на первом этаже. Понимание того, что он сегодня умрет.

Оставаться на лестнице было бессмысленно и, собравшись с духом, Субботин снял оружие с предохранителя и осторожно выглянул. Пусто. На полу лежали два тела, но больше ни живых, ни мертвых он не увидел. Стараясь двигаться бесшумно, полицейский выскользнул в коридор и направился к ближайшей палате. Внутри застывшие, словно манекены, за столом сидели четверо мертвецов. По расположению тел Субботин понял, что налетчики действовали молниеносно – охранников убили раньше, чем они успели осознать, что на них напали. В пальцах одного из них до сих пор оставались карты, другой сидел, уставившись в телефон, экран которого теперь заливала кровь. В углу разноцветными огоньками мигала наряженная елка. Субботин с ужасом смотрел на тела своих товарищей. Всего несколько часов назад он видел их живыми. Они разговаривали, смеялись, строили планы. А теперь никто из них никогда не вернется домой. Он двинулся дальше и заглянул в соседнюю палату. На полу лежали еще два трупа с зажатыми в руках пистолетами. Вероятно, какой-то звук насторожил полицейских, и

они встретили смерть лицом к лицу. На Субботина смотрели широко распахнутые мертвые глаза, в которых навсегда застыло удивление. Он стоял на пороге, не в силах пошевелиться, и медленно сходил с ума. Тишина давила на разум, рождала причудливые иллюзии. Ему слышался неясный шепот, будто совсем рядом с ним кто-то тихо разговаривает.

Он потряс головой, чтобы стряхнуть наваждение, но шепот не прекратился. И в нем, к немалому удивлению Субботина, стали проявляться слова. Сделав несколько шагов вперед, он убедился в своих подозрениях. В палате, где лежал Мозес Луццатто, кто-то был. Субботин замер и прислушался. Надрывный плачущий голос словно в чем-то каялся, исповедуясь невидимому для Субботина собеседнику. Он различал обрывки фраз, но не мог понять их значения. Потом все стихло, и в коридоре снова повисла тягучая тишина. Затем другой голос разорвал безмолвие, заставив Субботина вздрогнуть. Надменный, холодный и очень низкий – в нем странно сочетались снисходительность и сочувствие. Он что-то коротко проговорил, и снова послышался голос Луццатто.

Субботин стал медленно отступать назад к лестнице. Ему хотелось спрятаться, скрыться от этих голосов, бежать из этого мертвого здания, но он не мог. Он должен вызвать группу быстрого реагирования, должен встретить их и рассказать о случившемся. Рассказать, что оставил свой пост. Объяснить, почему остался в живых. Что сидел и жалел себя, пока его друзей убивали. Что если бы ему было дано повернуть время вспять, он предпочел бы умереть рядом с ними. Что никогда не испытывал такого страха и отчаяния, как в эти минуты. Он нырнул в темнеющий дверной проем, спустился на несколько ступеней и присел рядом с телом майора Измайлова. Нащупал рацию в кармане форменной куртки, но вытащить не успел. По коридору быстрым шагом шел огромного роста человек. И увидев его, Субботин вдруг отчетливо понял, что у него не осталось больше времени. Как только этот человек поднимет глаза, он увидит полицейского, и все будет кончено. Субботин поднял пистолет и несколько раз выстрелил в стремительно приближающуюся темную фигуру. Оглушенный нестерпимо громкими звуками выстрелов, полицейский на секунду зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что убийца пытается достать пистолет. И тогда он выстрелил снова.

Глава 4

30 января 2016 года

Москва. Центр исследования аномалий

По полу ванной комнаты скользила большая черная мокрица. Сбитая с толку ярким светом, она беспорядочно ощупывала стыки кафельной плитки в поисках отверстия, через которое попала сюда из вентиляционного канала. Она искала единственный верный путь в огромном пространстве направлений, каждое из которых оканчивалось тупиком. Наблюдая за ней с немалой долей отвращения, Вяземский не мог отделаться от ощущения, что находится в похожей ситуации. Он закрыл воду, наскоро обтерся полотенцем и вышел из душевой кабины. Вырвавшийся следом пар водяной пылью осел на полу и стенах, мутной пленкой ослепил зеркало.

Вяземский всегда мылся очень горячей водой. Почти на грани терпимости. «Дармовая энергия», – так он говорил, если кто-нибудь выражал удивление. И действительно, чувствовал, как молекулы, разогнавшиеся до скорости тысяча восемьсот километров в час, заряжают его, наполняют тело теплом.

На полу комком лежала грязная одежда. Представив, что всего десять минут назад эта одежда была на нем, Вяземский поморщился. Нельзя так опускаться, никак нельзя. Со времени последнего инцидента он совсем потерял счет дням. Спал не раздеваясь, питался на скорую руку, пил слишком много кофе. Дни и ночи слились для него в единый отрезок, за который он пытался решить сложную задачу. Каждый ушедший день был непоправимой потерей. Время таяло.

Вяземский провел рукой по запотевшему зеркалу и уныло посмотрел на собственное отражение. Потухший взгляд, мешки под глазами, серое усталое лицо. Как сильно он изменился за последние годы.

«Что с вами стало, профессор? – спросил он самого себя. – Что случилось с великим Вяземским?»

Слишком много впустую потраченных дней. Слишком много набранных килограммов. И бесконечный ужас перед угрозой, которая нависла над человечеством.

Вяземский опустил взгляд, поискал глазами мокрицу. Допустил нелепую мысль, что, если ей удалось выбраться, может быть, и у них есть шанс на спасение. Но вместо мокрицы увидел на полу черное влажное пятно. Вылезая из душевой, он случайно раздавил ее ногой.

«Выхода нет, – обреченно подумал Вяземский. – Ни для кого из нас. Мы все подобны этой мокрице. Живем бессмысленно и исчезнем, так и не успев понять, что нас убило».

Тщательно побрившись, надев чистый костюм и пригладив волосы, он стал снова похож на себя прежнего. Каким его привыкло видеть большинство коллег и знакомых. Уверенный в себе, властный человек. Но в зеркало смотреться на этот раз он не стал. Солидный и жестокий глава Центра исследования аномалий никогда не нравился Петру Сергеевичу Вяземскому.

Он торопливо вышел из дверей исследовательского центра и спустился этажом ниже, где располагалась его приемная. Однако за длинным столом его дожидались совсем не те, кого он рассчитывал увидеть. Высокий худой человек с пшеничного цвета волосами был ему незнаком, другой же – пониже ростом и явно взволнованный – вызывал в памяти неясные ассоциации.

– Где Бельский? – не здороваясь, спросил Вяземский, переводя взгляд с одного на другого.

– Генерал не смог приехать, – от профессора не укрылась снисходительная улыбка «пшеничного». – Непредвиденные обстоятельства, требующие его непосредственного участия. Но он прислал нас, – он улыбнулся еще шире.

– Мне кажется, я ясно дал понять, что ситуация не терпит отлагательств...

– Вы объявили «красный код». Да. И тем не менее генерал не приедет.

– Кто же вы, в таком случае?

– Меня зовут Алексей Иванович Сорокин, и я уполномочен генералом Бельским провести небольшую проверку. Прояснить, так сказать, некоторые моменты.

Вяземский перевел взгляд на второго гостя, и тот поспешно представился:

– Сергей Дмитриевич Вершинин, физик-теоретик.

– Мне кажется, мы встречались раньше, – проговорил Вяземский.

– Все верно, Петр Сергеевич. В 2009 году на Конференции по связям времени с движением элементарной материи.

– Припоминаю, – Вяземский не припоминал, но решил, что выгоднее будет сделать вид, что вспомнил Вершинина. – Вы тоже уполномочены меня проверять?

Вершинин покраснел и начал что-то отвечать, но его перебил Сорокин:

– Сергей Дмитриевич здесь затем, чтобы проанализировать данные и оценить угрозу. И при необходимости помочь вам. Ваши последние отчеты весьма сумбурны, и генералу необходимо мнение кого-нибудь более... трезво мыслящего.

– Вы полагаете, что я сошел с ума?

– Мы полагаем, что вы устали, профессор, – гаденько улыбаясь, ответил Сорокин. – Вам нужно отдохнуть, сделать перерыв в исследованиях.

– Нет у меня времени на перерывы! – с трудом сохранявший спокойствие Вяземский взорвался. – И у вас нет! Вы не понимаете! Не можете понять, что время уходит. Действовать нужно сейчас. Иначе станет слишком поздно.

– И все же, я думаю, вы слишком драматизируете, – Сорокин словно искал на лице Вяземского признаки безумия – смотрел пристально и изучающе.

– Драматизирую? Напомню вам, что количество аномалий растет. Исчезают люди. В последний цикл пропало более двухсот человек, – понимая, что своей несдержанностью он только усугубил ситуацию, Вяземский старался говорить спокойно. – Я показывал Бельскому прогнозы, эти цифры будут только расти.

– Это ни о чем не говорит. Только в России за год без вести пропадают около двадцати тысяч человек. И никто не видит в этой статистике конца света.

– Петр Сергеевич, расскажите мне об аномалиях, – неожиданно вступил в разговор Вершинин, пытаясь хоть немного ослабить царящее в комнате напряжение. – Я нисколько не сомневаюсь в вашей компетентности и уверен, что вы не сумасшедший. Я читал все ваши книги. И почту за честь работать бок о бок с вами над решением этой задачи.

– Напрасно этой откровенной лестью вы пытаетесь сгладить нелепость происходящего, – Вяземский помолчал. – Мы попусту теряем время. Но я расскажу вам все, что вы хотите знать. Мои доводы он слушать не хочет, может, хотя бы к вам прислушается.

Глядя, как в глазах Вершинина загорается интерес, Вяземский вспомнил, с каким энтузиазмом принялся изучать аномалию три года назад. Телефонный звонок, разорвавший ночь на пятое сентября, и долгий разговор с Бельским. Всего за несколько месяцев на смену восторгу пришел страх. И если бы ему выпал шанс... он предпочел бы не отвечать на тот звонок.

«Может, это и к лучшему, – подумал он. – И дорогу осилит лишь идущий. Возможно, Вершинину удастся то, что оказалось не под силу мне».

И Вяземский начал рассказывать о том, над чем работал последние годы:

– Аномалии можно описать как туннели неустановленной продолжительности, состоящие из последовательных сегментов, которые представляют собой один и тот же участок пространства в различных временных периодах. Таким образом, попавший в аномальную зону объект формально остается в одной и той же точке, смещаясь только во времени. На сегодняшний день зафиксировано двадцать аномальных зон. Пятнадцать из них приходится на Россию. Две расположены в Монголии. По одной на территории Пакистана и Маршалловых островов. И одна в Карском море.

– Иными словами, зона аномалии – это перемещение во времени на одном и том же месте? – Вершинин задал вопрос, параллельно отмечая что-то в лежащем перед ним блокноте.

– Примерно так. Только перемещения происходят не сами по себе, а только при пересечении границ аномалии.

– То есть мы заходим в комнату в двадцатом веке, а выходим в восемнадцатом?

– Не совсем так. Изменения могут быть настолько незначительными, что иногда определить временной сдвиг практически невозможно, что делает большинство аномалий непригодными для изучения. Это и природные объекты, и заброшенные участки города, как, например, пустырь на улице Тургенева в Иркутске. Нам повезло, что первая аномалия возникла в жилом помещении, где есть возможность отследить изменения на материальных объектах. Вы заходите в обычное помещение, а выходя – попадаете в это же помещение в другом времени. Первая комната датируется тридцатым августа две тысячи тринадцатого года между четырьмя и пятью часами утра. Следующая – несколькими часами ранее – двадцать девятое августа, примерно около одиннадцати вечера. Никакой системы в последовательности временных периодов установить не удалось. Более того, отдельные элементы невозможно отнести к иному времени, кроме будущего...

– Но ведь это фактически доказывает существование времени, – воскликнул Вершинин. И заметив, как удивленно поднял брови Сорокин, пояснил: – Существование времени – одна из загадок физического мира. Классическая ньютоновская концепция абсолютного времени полагает, что время является четвертым измерением в трехмерном пространстве. Время течет само по себе от прошлого к будущему и не влияет на изменения в пространстве. Согласно другой теории, времени не существует вообще, а пространство является четырехмерным. Время, по этой теории, придумано человеком для нумерологического порядка физических изменений.

– Достаточно, – Сорокин поморщился. – Сейчас не время для открытий. Нам необходимо понять, так ли опасны эти аномалии, как пытается представить профессор Вяземский.

Вершинин спорить не стал. Ему не терпелось узнать как можно больше информации об аномалиях, и он вновь повернулся к Вяземскому.

– Как обнаружили первую аномалию?

– Удачное стечение обстоятельств. Аномалия возникла на третьем этаже жилого дома – бывшей купеческой усадьбы, в квартире пенсионера Алексея Уварова. Утром 30 августа 2013 года он не открыл двери сотруднице социальной службы и она, решив, что ее подопечный скончался, вызвала полицию и «Скорую помощь». Полицейские прибыли первыми, вскрыли дверь и прошли в квартиру. Женщину они оставили в коридоре дожидаться врачей, и она видела, как они вошли в комнату. Вскоре туда же прошли и медики. Соцработник ждала около часа и, заглянув в комнату, обнаружила, что там никого нет. В тот день в аномалии пропали еще три наряда полиции, пока не стало ясно, что в комнату лучше не заходить.

– Что с женщиной сейчас? – встрепнулся Сорокин. – Информация об аномалиях засекречена и не подлежит разглашению.

– Разве генерал Бельский не ознакомил вас с протоколом «А»?

– Нет, – Сорокин с вызовом посмотрел на Вяземского. – Он не успел ввести меня в курс дела и сказал, что я получу всю информацию на месте.

«Хрен ты получишь», – злорадно ухмыльнулся внутри себя Вяземский. А вслух произнес:

– В таком случае я предлагаю пройти в мой кабинет. Все материалы об аномалиях находятся там.

Поднявшись на второй этаж, они прошли сквозь огромное ярко освещенное помещение, где за многочисленными столами сидели сотрудники ЦИА. Вершинин жадно осматривался вокруг, словно боясь пропустить что-то важное. Сорокин, напротив, по сторонам не смотрел. Шел, высоко подняв голову, с надменным видом человека, вкусившего собственной значимости.

Исподтишка наблюдавший за ними Вяземский думал о том, какими разными будут чувства этих людей, когда они узнают, как мало у них осталось времени. Безусловно, они оба испытывают страх. Но страх Вершинина будет многогранен, смешан с разочарованием и сожалением о том, что он не успел понять, чего не успел совершить. Страх Сорокина будет бесплодным, не способным породить сожаление о несделанном. Он будет слепым, уродливым, опустошающим душу кошмаром. Но ни то, ни другое чувство не будет похоже на то, что испытывал сам Вяземский. Он не был религиозен, но иногда ему казалось, что его собственный страх имеет привкус воздаяния.

Он дошел до дверей, открыл замок магнитным ключом и жестом пригласил своих гостей войти внутрь. Обвел взглядом увешанные расчетами стены, стопки бумаг и графиков, разбросанные по полу. Профессор часто бывал небрежен, когда увлекался чем-то, но сейчас подметил, что беспорядок в кабинете наводит на мысли о безумии его обитателя. Впрочем, его это не слишком волновало. Реальность, в которой он оказывался сумасшедшим, была несоизмеримо лучше той, что ждала их в будущем. Если будущим можно было назвать те немногие дни, что им оставались.

Вяземский подошел к столу и отыскал среди бумаг копию отчета, отправленного Бельскому неделю назад.

Протянул его Сорокину и отрывисто произнес:

– Читайте.

Вершинин, внимательно изучавший в это время витиеватый график на стене, задал вопрос:

– Профессор, что это?

– Схема движения объекта внутри аномалии. Мы использовали датчики движения, чтобы отслеживать передвижение, если видеосвязь отключится.

– Напоминает геометрический фрактал...

– А это он и есть, – Вяземский усмехнулся. Вершинин был совсем неглуп, а значит, в полной мере мог ощутить безупречную красоту приближающегося конца света.

– Это Дракон Хартера-Хэйтуэя.

– Значит, тоннели имеют форму геометрического фрактала? Все аномалии подобны этой?

– Нет, но все они представляют собой фрактальные кривые, – Вяземский указал на стопку листов на подоконнике. – Например, аномалия номер четыре – это кривая Гильберта, а аномалия номер одиннадцать напоминает кривую Минковского.

– Но как вам удалось получить эти данные? – Вершинин не мог сдержать любопытства и, пользуясь тем, что Сорокин углубился в отчет, продолжал расспрашивать Вяземского.

– Основная трудность поначалу была в вычислении границ аномалии. В комнате Уварова – первая аномалия названа в честь владельца квартиры, – например, граница проходит по одной из стен, поэтому, чтобы пересечь ее, необходимо открыть дверь. Изначально считалось, что площадь первой аномалии равна площади комнаты, но позже, изучив данные со спутника, мы установили, что часть аномалии располагается за пределами окна и охватывает

участок около шести квадратных метров. Это обнаружили случайно – программист загружал точные координаты аномалии через спутниковую карту и увидел белое пятно рядом с домом Уварова. После инцидента в Карском море стало понятно, что спутник воспринимает аномалии как отсутствие пространства. Сейчас он видит двадцать белых точек на поверхности планеты. Двадцать участков «нигде». Комната Уварова могла бы дать множество ответов, но, к сожалению, изучение этой аномалии на сегодняшний день уже не ведется.

– Но почему? – удивился Вершинин.

– Потому что открыть дверь может только человек. А войти в зону аномалии равносильно самоубийству. С начала эксперимента было всего несколько добровольцев, благодаря которым мы сейчас обладаем многими знаниями, но посылать в аномалии людей запрещено. Исследования ведутся с помощью радиоуправляемых аппаратов, и люди в аномалиях больше не пропадают.

Однако, отвечая на вопросы Вершинина, Вяземский лукавил – люди продолжали пропадать в аномалиях. При непосредственном участии самого Петра Сергеевича. Он почувствовал внезапное желание разделить с кем-то свою ответственность или вовсе избавиться от нее, передать полномочия другим. Но он не мог отменить последствия своих решений, и умыть руки было слишком поздно.

Некоторое время тишину в кабинете нарушало лишь шуршание бумажных листов – Вершинин молча рассматривал графики, Сорокин листал отчет, то и дело поднимая глаза на профессора. Закрыв последнюю страницу, он с минуту помолчал и ледяным тоном отчеканил:

– Это абсурд.

– Увы, – ответил Вяземский. – Все будет именно так, как вы только что прочитали.

– Этого не может быть! Совершенно очевидно, что вы ошиблись в расчетах. Вы часто оказывались правы, Вяземский, но это... просто нелепо.

– И тем не менее именно так все и произойдет.

– Что должно произойти? – Вершинин отвлекся от изучения причудливых ломаных линий и поднял голову.

Сорокин, не желая отвечать, упрямо сжал губы и отвернулся. Вершинин перевел взгляд на профессора, и тот устало произнес:

– Двадцать восьмого марта около шести часов после полудня наша планета будет полностью поглощена аномальными зонами. Жизнь в привычном нам понимании перестанет существовать. Мы – перестанем существовать.

Глава 5

30 января 2016 года

Москва. Центр исследования аномалий

В кабинете повисло напряженное молчание. Трое мужчин вели безмолвный диалог с коварным собеседником, именем которому было сомнение. Вяземский ощущал его словно стоящего за спиной врага – только и ждущего, когда он оступится и совершит ошибку.

Он знал причины, явившие этого врага, и понимал, что справиться с ним поможет только время. Сомнение было порождением отрицания на пути мучительного принятия неизбежного. Он сам прошел через это и на собственном опыте убедился, что, лишь приняв реальное положение дел, можно начать действовать.

Первым решился заговорить Вершинин. Слова Вяземского удивили и напугали его, и он осторожно уточнил:

– Но как это может произойти, профессор? Аномальные зоны не так велики, и, как я понял, появляются они нечасто.

– Все верно, и еще год назад я не поверил бы тому, кто сказал бы мне подобную чушь. Полгода назад – задумался бы. Три месяца назад – посчитал бы это возможным. Но весь алгоритм открылся мне меньше месяца назад, и я до сих пор не могу понять, почему раньше не заметил очевидных закономерностей. Я слишком хотел верить в то, что аномалии – чудо. Но в их уникальности наша смерть.

– Но даже если количество аномалий продолжит расти, у нас должно быть в запасе по крайней мере несколько лет...

– Планете осталось меньше месяца. Я множество раз перепроверял все данные и каждый раз приходил к одному и тому же выводу. Сейчас вы сами все увидите.

Вяземский подошел к стоящему напротив стола флипчарту, отогнул исписанные листы и провел на белой бумаге несколько изогнутых линий. Рядом с каждой линией проставил цифры 0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55 и повернулся к Вершинину.

– Представьте, что линии – это волны распространения аномальных зон. А цифры – количество аномалий после каждой волны. Как видите, в такой последовательности каждое следующее число равняется сумме двух предыдущих, но проследить этот алгоритм удастся не сразу. Он начинает проявляться лишь после числа 5 и становится очевиден при достижении числа 13. Когда в августе 2014 года была обнаружена вторая аномалия, я принял во внимание увеличение ее площади, но не временной промежуток между ними. Она была относительно безопасной – всего лишь небольшой участок в Карском море. Он оказался бесполезен для изучения – мы пытались скачивать данные с ближайшего плавучего маяка, но четких представлений о временных зонах внутри аномалии получить не удалось. Однако сам факт ее возникновения дал понять, что мы имеем дело не с единичным феноменом.

Профессор помолчал.

– Однако я и представить себе не мог, – продолжил он спустя минуту, – что следующая волна придет уже через 8 месяцев, и новых аномалий будет две. Эти аномалии размером больше 70 квадратных метров, и одна из них возникла в людном месте – в торговом центре «Витязь» в Омске. За один вечер пропало более пятидесяти человек – женщины, дети. Тогда все списали на пожар, центр закрыли. Но этот инцидент доказал, что аномалии не просто без-

обидные причуды пространства. Я сравнил данные по всем четырем аномалиям и установил, что с каждой волной площади аномалий увеличиваются в 1,618 раза по сравнению с предыдущей. Это грозило большими неприятностями в будущем. Я надеялся, что у нас достаточно времени, чтобы понять природу аномалий и найти способ, как предотвратить их появление. Но интервал вновь сократился, и в августе 2015 года появились сразу три аномалии, каждая из которых по площади в 1,618 раза превышала аномалию в «Витязе». Чтобы спрогнозировать появление следующей волны, я проанализировал интервалы между волнами и обнаружил, что временной промежуток сокращается также в 1,618 раза. Таким образом, следующая волна должна была возникнуть в ноябре прошлого года. И она принесла пять новых аномалий. Эта последовательность напомнила мне числовой ряд Леонардо Пизанского, более известный как Фибоначчи. Отличительным свойством этого ряда является то, что при делении одного числа из ряда на предыдущее результат стремится к числу фи – 1,618. Это не могло быть случайным совпадением, но я должен был убедиться в правильности своих выводов. Поэтому ждал следующей волны. И 2 января появилось еще восемь аномалий, и их общее число достигло двадцати.

Вяземский перевел дыхание и Вершинин, воспользовавшись паузой, спросил:

– Значит, аномалии возникают согласно последовательности Фибоначчи?

– Да. И с каждой новой волной количество и площадь аномалий увеличиваются. А интервал между волнами сокращается.

– На одно и то же число фи?

– Да. Каждая аномалия по площади больше предыдущей в 1,618 раза. А интервал в 1,618 раза меньше прежнего.

– Невероятно, – задумчиво проговорил Вершинин.

– Числу фи с древних времен приписывали мистическое, сакральное значение. Его считают формулой мироздания, идеальной пропорцией. А некоторые именуют даже числом Бога.

– Вы что же, считаете, что у аномалий божественное происхождение? – ехидно спросил Сорокин.

– Да нет, – Вяземский покачал головой.

– Аномалии имеют скорее естественное происхождение, и мой убежденный атеизм здесь ни при чем. В природе связь последовательности Фибоначчи с золотым сечением – явление весьма распространенное. Один из самых наглядных примеров – естественные спирали. Раковины моллюсков, паутина, расположение семян подсолнечника и сосны. Молекула ДНК состоит из двух вертикально переплетенных между собой спиралей. Ширина каждой из этих спиралей составляет 21 ангстрем, длина – 34 ангстрема, что соответствует двум следующим друг за другом числам ряда Фибоначчи. В природе встречаются и удивительные естественные фракталы – капуста Романеско, цветки георгины и камелии, многие суккуленты. Поэтому в происхождении аномалий я вижу природную гармонию – губительную для нас, но все же прекрасную.

– И все же не понимаю, почему вы считаете, что у нас осталось так мало времени? – не унимался Сорокин. Он не хотел, просто не мог поверить, что его дни сочтены. – Из вашего отчета следует, что площадь последних аномалий не превышает 300 квадратных метров. И если дальше...

– Я расскажу вам, что будет дальше, – спокойно перебил его Вяземский. Его нетерпение вдруг обернулось равнодушием и апатией, словно происходящее не имело к нему никакого отношения. – 3 февраля возникнет тринадцать аномалий площадью около 480 квадратных метров каждая. Само по себе это немного, и до сих пор нам относительно везло с расположением аномальных зон. Только четыре из них возникли в местах массового скопления людей. Но представьте, если хотя бы одна из новых зон появится в людном месте. Например, на площади или стадионе. Будут сотни пропавших, начнется паника. А аномалии будут возникать снова и снова, – профессор посмотрел на Сорокина. – Все дело в соотношении количества новых ано-

маний и увеличении их площадей. И в стремительном сокращении интервалов между волнами. 23 февраля новая волна принесет 21 аномалию. Площадь каждой увеличится до 780 квадратных метров. 14 марта – 34 аномалии с площадью 1268 квадратных метров. Затем их станет 55, 89, 144, 239. Уже к концу марта интервалы между волнами сократятся до одних суток – каждый день будут возникать сотни аномалий площадью в несколько тысяч квадратных метров. За пару дней порядка десяти процентов планеты будет покрыто аномальными зонами. Постепенно временные интервалы сократятся до нескольких часов, а затем – до нескольких минут. И наконец, 28 марта в 01:32 по московскому времени промежуток между волнами станет меньше минуты. Аномалии будут проникать друг в друга, превращая нашу планету в швейцарский сыр. Все будет кончено. Единственная возможность предотвратить такой исход и избежать ненужных жертв – это начать действовать сейчас. Нужно незамедлительно подтвердить «красный код».

– Я не уверен, что понимаю, о чем идет речь, – неожиданно признался Сорокин. Его горделивый пыл угас, и он стал похож на понурого нахохлившегося петуха.

– «Красный код» – это условный сигнал для запуска программы по уничтожению аномалии. Мы разработали его еще на этапе исследований комнаты Уварова, когда самым большим нашим страхом было то, что аномальная зона будет расширяться.

– Но как можно уничтожить аномалию? – Вершинин подался вперед, словно боялся не услышать, что говорит профессор.

– Полагаю, разрушив исходную точку ее развития, – ответил Вяземский.

– Временные тоннели только кажутся бесконечными, но в действительности имеют строго фиксированное число уровней. Я заметил, что во всех аномалиях по мере углубления проявляется одна особенность: при достижении определенного уровня пространство начинает приобретать сиреневатый оттенок. Сначала еле заметный, затем все более интенсивный. В первой аномалии он начинает проявляться к 46-му уровню, во второй – к 74-му. Это навело меня на мысль, что аномалии исходят из одной и той же точки, и каждый тоннель длиннее предыдущего. В таком случае комната Уварова – самый короткий путь к центру аномалии. Если пройти пространственно-временной тоннель до конца, мы достигнем полюса происхождения аномалий и сможем уничтожить его. Но нам еще никогда не удавалось достичь последнего уровня.

– Почему?

– Это еще одна тайна аномалий. Фантомы. Огромные шарообразные сгустки, подобные шаровой молнии. Они хаотично возникают на разных уровнях, сжигая любые инородные для аномалии объекты – людей и технику.

– Как же вы собираетесь преодолеть это препятствие? – голос Вершинина звучал растерянно и глухо.

– Я полагаю, что фантомы – это нечто вроде остаточной энергии, сформировавшейся от движения времени и пространства. В зонах аномалий пространство и время статичны. Время в них не течет привычным нам образом. Когда я только начинал изучение комнаты Уварова, мне казалось, что с помощью аномалии я смогу доказать теорию Роберта Леви о хрононах.

Сорокин неодобрительно фыркнул, и Вершинин поспешил пояснить ему, о чем говорит профессор:

– В теории квантовой механики время – непрерывная величина. Но уже в первые годы ее формулировки было сделано предположение, что время может, подобно энергии, состоять из минимальных неделимых интервалов. Их-то и имеет в виду профессор – гипотетические кванты времени.

Вяземский печально улыбнулся. Как много тайн хранили аномалии, и как мало времени оставалось на их разгадку. Он посмотрел на Вершинина и продолжил:

– Я думаю, что фантомов притягивают движущиеся объекты. Они реагируют на энергию движения и стремятся ее поглотить. «Красный код» предполагает несколько групп по 25 человек, последовательнодвигающихся в аномальной зоне. У каждого из них будет при себе

взрывное устройство колоссальной мощности. Большинство из добровольцев будут уничтожены фантомом, но если хотя бы один достигнет исходного уровня и активирует устройство, человечество будет спасено. Увы, это лишь предположение, но других вариантов у нас нет.

– Значит, те люди, что войдут в аномалию, будут обречены?

– Да, но они спасут своих близких, спасут свой мир от гибели. Это неизбежные необходимые жертвы. Мы не имеем права на сострадание и жалость – они не защитят нас от конца света. Мы обязаны попытаться.

Некоторое время мужчины молчали, затем Сорокин тихо проговорил:

– Но ведь если есть хоть один шанс, что вы в своих расчетах допустили погрешность, «красный код» будет чудовищной ошибкой. Бельский не простит этой ошибки вам и тем более не простит ее мне. Генерал не намерен впустую тратить человеческие ресурсы, пока опасность не станет очевидной. Нужно дождаться следующей волны.

Глядя на побледневшее лицо Сорокина, Вяземский почувствовал отвращение.

«Какой же редкостный идиот, – подумал он. – И непонятно, чего он боится больше: собственной смерти или гнева генерала Бельского».

– А вы что скажете? – обратился профессор к Вершинину.

– Если решение зависит от меня, я предпочел бы все проверить, – растерянно ответил тот. – Я только утром узнал о существовании аномалий, а сейчас должен участвовать в спасении человечества. При всем уважении, профессор, мне нужно время.

– Что ж, – Вяземский устало пожал плечами. Сегодня убедить их не удастся. Он сделал что мог, но все равно чувствовал себя проигравшим. – Все время, которое нам остается, принадлежит вам. Я попрошу своего ассистента помочь вам здесь разобраться. Мне же необходимо уладить кое-какие личные дела.

Он вышел из кабинета и отправился на жилой этаж. Всего через несколько дней новые аномалии унесут сотни невинных жизней, и почему-то казалось, что виноват в этом именно Вяземский. Когда-то давно он беспечно решил, что в интересах науки может на время забыть о морали и справедливости. И теперь – перед последней чертой – стыдился собственных решений. Мысли путались, и все вокруг казалось ему лишенным смысла. Даже собственное раскаяние. Разве есть разница, что ты совершил, если вместе с тобой сгинут и палачи, и судьи. И разве его неприглядные средства не служили великой цели?

В кармане пиджака завибрировал телефон, и Вяземский остановился у небольшого окна на лестничной площадке. Присел на подоконник, достал телефон и прочитал короткое сообщение: «Приезжай на кофе. Приготовил две чашки». Профессор тяжело вздохнул. Это был им самим придуманный шифр, и прежде, получая этот сигнал, он откладывал все дела и мчался в больницу. Стоило ли ехать теперь? Вяземский сомневался. И все-таки решил поехать. Хотя бы для того, чтобы скоротать вечер.

Он не выходил на улицу больше месяца, и холодный январский воздух показался ему удивительно свежим. Светило солнце, издали доносилось щебетание птиц. Города уже грезили о весне, но впереди их ждала лишь беспощадная пустота похищенного аномалиями пространства. И Вяземскому было безмерно жаль – февраля и весны, что уже никогда не наступит. Этого мира, вдруг ставшего таким уязвимым и хрупким. Своего собственного будущего. И прошлого, потерявшего свою ценность без надежды на завтрашний день.

Отсутствие будущего стирает прошлое, если некому принять наследие предыдущих поколений. Человечество исчезнет, не оставив о себе памяти, и в этом Вяземскому виделась горькая ирония. Перед глазами стоял образ мокрицы, раздавленной им несколько часов назад. Он был для нее неведомой силой, непостижимой и иррациональной. В ее восприятии окружающего мира он был аномалией. Если бы она могла мыслить философскими категориями, имело бы для нее значение, убила ее высшая божественная сущность или такое же, как и она, творение природы, только более сложное и совершенное? Вяземский не мог найти для себя

ответа. Каким бы тайным смыслом ни наделяли смерть, она оставалась смертью. И в ней не было ничего, с чем он мог бы смириться.

Глава 6

30 января 2016 года

В больницу Вяземский приехал уже затемно. У проходной, по обыкновению, собралась толпа посетителей, но сегодня очередь двигалась медленнее обычного. Подойдя ближе, Вяземский разглядел у входа вместо знакомого ему полноватого охранника двоих крепких ребят, которые тщательно досматривали всех пришедших. Когда подошел его черед, он достал пропуск, подписанный главным врачом, и показал одному из новых охранников. Тот вцепился в него пристальным взглядом, сравнивая стоящего перед ним человека с черно-белой истертой фотографией. Вернув пропуск, охранник молча указал Вяземскому на рамку металлоискателя, кивком приглашая его войти внутрь. В иное время подобные процедуры вызывали у Вяземского досаду и раздражение, но сейчас, зная, как мало осталось у человечества безмятежных дней, эти проявления повседневной жизни были ему приятны. Пока еще ничего не случилось. Люди сновали по своим делам, не задумываясь о скоротечности каждого дня, и в этой обыденной суете было своеобразное уютное очарование. Вяземский чувствовал это даже здесь – идя по обшарпанным узким коридорам, пропитанным ненавистным ему горьким больничным запахом.

Он дошел до нужного кабинета и костяшками пальцев тихонько постучал в дверь. Изнутри донесся приглушенный возглас и, расценив его как приглашение, Вяземский вошел.

Игорь Семенович Прокопенко, главный врач семнадцатой городской больницы, сидел за столом перед открытым ноутбуком. Увидев вошедшего, он коротко кивнул, едва заметно улыбнулся и, протягивая руку для приветствия, начал подниматься. Вяземский был его одноклассником, другом и, что Прокопенко ценил гораздо больше, источником очень неплохого дохода. Только благодаря Вяземскому он наконец ощутил истинное значение выражения «свободные деньги». Поэтому, увидев помятое серое лицо профессора, Прокопенко забеспокоился.

– Петр, что-то случилось? На тебе лица нет, – спросил он, отодвигая стул и жестом приглашая гостя сесть.

– Устал я, Игорь, – отмахнулся Вяземский. – Просто устал. Не обращай, пожалуйста, внимания на то, как я сегодня выгляжу. Расскажи лучше, почему у вас вдруг стало все так серьезно на проходной?

– О-о-о, – Прокопенко воодушевился. Ему явно было что рассказать профессору, и он с удовольствием продолжил: – Это из-за нашего особого гостя. Совершенно жуткий тип. Поступил к нам недели две назад. Ни имени, ни отпечатков пальцев. Жуткие шрамы. Девять пулевых ранений. Полиция держит все в секрете, но я слышал, что он какая-то важная шишка в преступном мире. Когда его привезли, Бельский чуть с ума не сошел. Ты же знаешь, какой он обычно спокойный. А тут словно с цепи сорвался. Орал на врачей, угрожал, что если этот человек не выживет, он камня на камне здесь не оставит. Что этот тип должен за все ответить. Заняли половину четвертого этажа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.